

⁵ Севастьянов А.И. Русская идея, век XXI-й («что делать и что не делать»). М., 2002. С. 5.

⁶ Янов Л. Русская идея и 2000 год. Нью-Йорк, 1988. С. 321.

⁷ Хорос В. Русская идея на историческом перекрестке // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 36.

⁸ Скэнлан Дж.П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 63.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 62.

¹¹ Там же. С. 64.

ТЕРЕХОВ В.С. (Екатеринбург)

ИСТОРИКО-ГЕОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Тезис о влиянии природно-географических факторов на развитие той или иной страны уже стал аксиоматичным и активно используется различными науками в качестве аналитического инструмента в процессе изучения экономических, политических и социокультурных систем. Наиболее ранние попытки учета географических компонентов в научном исследовании развития общества относятся к геополитическому направлению, появляющемуся в качестве особой проблемы в конце XIX в., когда немецкий географ Фридрих Ратцель и его ученики создали дисциплину, призванную изучать взаимосвязь между географией и политикой, исходя из положения страны в пространстве и ее границ. Геополитические идеи получили дальнейшее развитие в концепциях Х.Д. Маккиндера, Р. Челлена, А. Мэхэна, Н.Дж. Спайкмена, которые ввели в научный оборот ставшие уже классическими «геополитические императивы», основанные на таких характеристиках, как географическое положение, протяженность, конфигурация границ, ландшафт, климат, недра. С позиции геополитики, географическая среда является тем постоянным и незыблемым фактором, который оказывает существенное влияние на политическое поведение государства. Утверждение «сверхобъективности» географического фактора роднит геополитическое направление с геоэкономикой, с той лишь разницей, что предметом геоэкономического анализа становится объективная взаимосвязь географической среды и экономической сферы. Моделью исторической геоэкономики может служить концепция «миров-экономик» Ф. Броделя, который пытался соединить цивилизационные компоненты исторического развития, понимаемые как экономические по своей сути, и элементы пространственной локализации и кооперации общественных систем. Современная геоэкономическая «картография» мира в качестве основных субъектов рассматривает уже не только традиционные нации-государства, но и феномены новой государственности — страны-интегрии, страны-системы, к числу которых ряд исследователей относит и Россию¹.

Еще одной стороной многоаспектного влияния географического фактора является историческая геософия, которая, наряду с геополитикой и геоэкономикой, принадлежит к числу пограничных областей знания, формируя свой исследовательский

предмет в сфере действия таких традиционных наук, как история, география (в том числе историческая география), философия (в том числе философия истории). Задача исторической геософии — выявление взаимосвязи между географическими параметрами развития национально-государственных систем, этносов и формами коллективного мировоззрения, лежащими в основе таких интегративных социокультурных явлений, как национальный дух и национальная идентичность. Конечно, национальная идентификация — процесс сложный, многомерный и неоднозначный, поэтому в ходе его анализа вряд ли могут быть применены категории, исследовательские приемы и инструменты какой-то одной науки. Кроме того, комплексная аналитика данного процесса должна учитывать также существующие формы официально-идеологической интерпретации национальной идентификации (например, в виде концепта национальной идеи или аналогичных идеологем) и личностного, индивидуального восприятия идентичности. В силу этого историческая геософия может претендовать лишь на частичное истолкование генезиса национальной идентичности. Геософский анализ в данном случае связан с исторической реконструкцией объективных природно-географических условий формирования национальной самобытности того или иного народа в рамках темпоральной проекции.

Одним из наиболее важных аспектов национальной идентичности России с точки зрения историко-геософского анализа является проблема пространственной локализации России на евразийском континенте. Расширенное восприятие данной проблемы включает в себя структуру историко-культурного взаимодействия России с европейским и азиатским мирами, характер влияния этого взаимодействия на духовно-ментальные параметры исторического развития российской цивилизации.

Описание особенностей географического положения России стало уже неотъемлемым и традиционным элементом комплексных исследований в области российской истории. На природно-климатическую специфику жизни древних славян обращал внимание уже Н.М. Карамзин, характеризовавший контрастные свойства «нравственных характеров» жителей «полунощных земель» (древних славян) и «обитателей южного Пояса» (греков)². Анализом природы «Русской государственной области» и ее влияния на историю начинается фундаментальное исследование С.М. Соловьева³, который не только развил мысль Н.М. Карамзина о воздействии природы страны на характер народа, но и дополнил ее развернутым описанием природно-географических условий социально-экономического развития восточнославянского общества. Наиболее масштабный и разносторонний анализ географических и климатических особенностей исторического развития России принадлежит В.О. Ключевскому, назвавшему природу страны силой, которая держит в своих руках колыбель каждого народа⁴. В.О. Ключевский принадлежал к числу тех исследователей, которые дифференцировали традиционное географическое и историко-географическое деление евразийского континента на Европу и Азию. Одним из первых в корректности европейско-азиатской границы по Уральскому хребту и реке Урал усомнился Н.Я. Данилевский, который обратил внимание на географическую незначительность Уральских

гор и задал закономерный с точки зрения логики геософского анализа вопрос: «Если Урал отделяет две части света, то что же отделять после того Альпам, Кавказу или Гималаю?»⁵ Древнегреческое разделение континента на Европу и Азию по реке Танаису (Дону) Н.Я. Данилевский также называет странным, хотя признает, что оно более осмысленно, чем деление по Уралу, т. к. Дон как водная преграда (особенно в нижнем течении) выглядит внушительнее в качестве границы, нежели Урал. По мнению Н.Я. Данилевского, деление «мирового острова» Евразия на отдельные части должно иметь более надежные и неоспоримые основания, к которым можно отнести историко-культурные различия населявших континент этносов. Совершенно ясно, что различия эти в достаточной степени условны, однако возникли они во многом благодаря тем естественным и объективным географическим границам, которые локализовали пространства этносов и служили фактором формирования их национальной идентичности.

Россия представляет собой уникальную мир-систему, занимающую огромное пространство с запада на восток и включающую в себя несколько геокультурных оснований. Специфика географического положения территории нынешней России была понятна еще древним грекам, которые трансформировали финикийские географические понятия «европа» («запад») и «азия» («восток») в цивилизационно-культурные концепты. Известно, что ранние древнегреческие представления об ойкумене были достаточно прямолинейными и не выходили за рамки жесткой бинарно-оппозиционной модели «цивилизация–варварство». Полисное мироустройство, являвшееся основой греческого гражданского общества, было символом «цивилизации», которому противостояла жесткая централизованная Персия, на долгое время ставшая для греков олицетворением «варварства». Таким образом, древние греки воспринимали Элладу в качестве Европы, а противостоящие Элладе и непохожие на нее в политическом отношении миры воспринимали в качестве Азии. Данная модель сохраняла свою актуальность до знакомства греков с новым миром, одинаково противоположным и греческому полису, и персидской империи — Скифией, располагавшейся к северу и северо-востоку от Черного моря. Затруднения у греков вызвала идентификация Скифии. В политико-культурном отношении этот мир однозначно был причислен к варварскому, однако он не мог быть назван Азией, т. к. в Скифии отсутствовала империя. Таким образом, самими греками Скифия в Европу не включалась, однако не включалась она и в Азию. Интересно, что персидские цари Кир и Дарий I, известные своим стремлением покорить скифов, также считали Скифию варварским миром.

Географические особенности Скифии почти полностью передаются Руси и России и даже усиливаются, т. к. Россия заняла гораздо большую часть евразийского пространства, нежели скифский мир. Географические и климатические условия не способствовали включению Руси в Европу, что стало основой формирования в рамках Руси – России особого культурного, политического и географического мира. С точки зрения исторической геософии, Европа представляет собой самый большой

полуостров Евразии. Восточная граница Европейского полуострова визуально выстраивается по линии Куршский залив — устье Днестра, проходя по рекам Висла и Днестр, захватывая Карпаты. Эта линия является самым узким местом Европейского полуострова, омываемого двумя «средиземноморьями»: Средиземным морем на юге и Балтийским и Северным морями на севере. В этих границах совершенно отчетливы климатические отличия Европейского полуострова от остальной восточной территории. С севера Европа омывается Гольфстримом, с юга — атлантическими водами, что создает теплый, умеренный, мягкий климат. На территории Восточно-Европейской равнины преобладают холодные арктические воздушные массы, не находящие в процессе своего проникновения с севера на юг достаточных естественных препятствий и создающие в результате жесткий континентальный климат. Описывая природу Европейской России, В.О. Ключевский определял много сходных черт с Азией: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию»⁶.

Совершенно ясно, что природно-географическая специфика российского мира формирует важный аспект национальной идентичности России как «не-Европы», что логически подтверждается бесконечными историческими попытками России попасть в Европу. Если бы Россия была Европой или хотя бы идентифицировала себя с Европой, то вряд ли возникла бы потребность российско-европейской интеграции. Не следует забывать также о том, что европейская цивилизация сама не стремилась инкорпорировать Россию в свою среду, исторически рассматривая огромные восточные пространства, в лучшем случае, как полигон для европеизации. Кроме того, само понятие «Европа» с историко-геософских позиций достаточно условно, т. к. в результате подвижности этнокультурных границ оно не всегда позволяло ассоциировать европейское географическое пространство с романо-германской цивилизацией. Характеризуя условность «европейской» терминологии, Л.Н. Гумилев, в частности писал, что в средние века термин «Европа» «...на некоторое время вышел из употребления, ибо Испания с 711 г. стала «Востоком», Византия — особым культурным регионом, а бассейн Балтики — полем перманентной войны феодально-католического «христианского мира» с язычниками — славянами, пруссами, литовцами и эстами»⁷.

Однако было бы не совсем корректно искусственно отграничивать Россию от Европы и, главным образом, от европейской культуры и цивилизации на том лишь основании, что в географическом отношении Россия отличается от Европы. Культурно-исторический вектор развития России имеет ярко выраженное европейское направление. Для Древней Руси олицетворением Европы была Византия, так же как для Скифии причерноморские греческие колонии (Ольвия, Пантикапей, Херсонес) были «окном в Европу». Христианизация Руси сблизила ее с Византией (Европой). В дальнейшем с упадком Византии южный вектор российско-европейского взаимо-

действия постепенно ослабевает и заменяется западным. Рудиментарная функция южного направления время от времени давала о себе знать, что выразилось, в частности, в Азовском походе Петра I, который можно рассматривать как стремление прорубить южное «окно в Европу» через Черное и Средиземное моря.

Азиатское направление национальной идентичности России также имеет в большей степени историко-культурное, нежели историко-геософское обоснование. Тесное историческое взаимодействие с азиатским миром, главным образом, ограничивалось контактами со Степью, тогда как Азия, помимо «степного» компонента, включала в себя множество геокультурных образований, обладавших четкой пространственной локализацией и своей спецификой. Азиатский мир условно делится на Переднюю, Центральную и Юго-Восточную Азию, которые отграничены друг от друга грядками Памира и Гималаев. Традиционной границей между Россией и Азией выступала зона степей, полупустынь и пустынь.

Таким образом, Евразийский суперконтинент можно условно подразделить на пять геокультурных миров, каждый из которых обладает собственной спецификой, историко-культурной уникальностью: Европейский полуостров (с включением Англии и Скандинавии), Россию, Переднюю, Центральную и Юго-Восточную Азию. Исходя из такой историко-геософской трактовки, становится ясно, что Россия представляет собой особое геософское образование, определяющее необходимость процесса национальной идентификации и историософского осмысления. Причем традиционные западная и славянофильская модели идентификации, даже с учетом их новых версий, вряд ли смогут помочь в этом процессе в силу определенной односторонности изначальных фундаментальных посылок, связанных с историософскими ориентирами либо на западноевропейскую культуру, либо на традиционную русскую культуру. Даже удобная и во многом привлекательная форма евразийской модели не обладает достаточной степенью убедительности в трактовке идентичности России, т. к. опирается на мессианский концепт и тезис об особом «месторазвитии», особой миссии России в мире⁸. Классическое евразийство, по сути, носит не свое имя, т. к. развивает свою концепцию не на основе синтеза европейских и азиатских геокультурных элементов (что и предполагается самим термином «евразийство»), а на основе противопоставления особого российского мира Европе, и Азии. В этом смысле евразийцы были в большей степени похожи на славянофилов, отличие от которых состояло лишь в том, что понятие «русская национальность» не сводилось только к славянскому этносу, а признавалась важная роль тюркских и финно-угорских компонентов в этническом становлении России.

С точки зрения историко-геософского анализа, Россия, действительно обладающая уникальным географическим положением, занимающая огромное пространство, вправе рассчитывать на некое особое восприятие со стороны остального мира. Однако эта «особость» не должна становиться основой для рождения мессианских идей. Главной миссией России в мире должно стать само ее присутствие, ее существование как уникального геокультурного мира, а национальная идентичность впол-

не может заключаться в углубленном осмыслении, изучении, всестороннем исследовании этого мира, понимании его неповторимости и бесконечного многообразия.

¹ См., напр.: Неклесса А.И. ORDO QUADRO — четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия в четырех томах. Т. I. Исследования. М., 2002. С. 139.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. В 6-ти книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 61—62.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. В 18 книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 14—34.

⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1997. С. 33.

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 56.

⁶ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1997. С. 35.

⁷ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 27.

⁸ См.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 15.

ТИМОШЕНКО В.П. (Екатеринбург)

РОССИЯ В ПРЕДДВЕРИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

В настоящее время проводится подготовительная работа по реализации Федеральной программы «Реформирование государственной службы в Российской Федерации (2003—2005 гг.)», утвержденной Указом Президента РФ № 1336 от 19 ноября 2002 г. Эта работа основывается на тех концептуальных подходах и представлениях, которые были созданы в 1993—2002 гг. и зафиксированы в ряде предложений, меморандумов и проектов документов, подготовленных различными органами государственной власти Российской Федерации. Эти документы определяют предпосылки, направления и содержание реформы государственной службы. Реформа становится стратегическим приоритетом региональной политики России.

1. Структура государственной службы

Структура государственной службы РФ соответствует Конституции РФ, федеральным конституционным законам, признанным РФ принципам и нормам международного права, а также строится исходя из требования единства государственной и муниципальной службы.

Эта структура, во-первых, разделена по видам государственной службы.

Во-вторых, государственная служба РФ разделяется по уровням — на федеральный уровень и уровень субъектов РФ. Государственная служба регулируется федеральными законами в пределах ведения РФ и совместного ведения РФ и субъектов РФ. РФ делегирует отдельные полномочия по осуществлению государственной службы. Вне пределов ведения РФ и совместного ведения РФ и субъектов РФ осуществляется только государственная гражданская служба субъектов РФ.

В-третьих, государственная служба распределена по ветвям власти: существует государственная служба в органах исполнительной власти (где сосредоточен основной контингент государственных служащих), в органах законодательной власти, и в органах судебной власти.